

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная заметка и комментарии И. М. Колесницкой

Фольклор органически входил в круг интересов П. И. Мельникова (А. Печерского), сочетавшего работу писателя с деятельностью историка, этнографа, краеведа. Начало интенсивного собирания писателем исторических, этнографических и фольклорных материалов относится к 1840-м годам, продолжалось оно до середины 1850-х.

Мельников писал в своих заметках: «Преимущественно изучал я историю и древности Нижнего и вообще бывшего Суздальского великого княжества»¹, собирал рукописи, занимался в архивах. В 1841 г. писатель стал корреспондентом Археографической комиссии; в том же году в Нижнем-Новгороде он познакомился с М. П. Погодиным, по просьбе которого начал собирать «редкостные вещи». В мае 1852 г. в Петербурге Мельников сблизился с активными сотрудниками этнографической комиссии Русского географического общества Н. А. Милютиним и Н. И. Надеждиным. Тогда же, назначенный «начальствующим статистической экспедицией в Нижегородской губернии», он составил полное статистическое описание губернии.

В 1849 г. произошло первое знакомство Мельникова с В. И. Далем, тесная дружба с которым продолжалась всю его жизнь. Живой интерес к народному быту, языку, истории, фольклору связывал их. Мельников считал себя учеником Даля, почти каждый день целые вечера просиживал с ним над актами археографической комиссии и другими документами, «отыскивая в них по крохам старинные слова и объясняя их остатками сохранившихся по разным закоулкам русской земли»². По свидетельству сына, Мельников принимал участие в составлении «Словаря живого великорусского языка». В 1852—1853 гг., собирая по составленной им и Милютиним (под руководством Надеждина) программе статистические сведения и объехав для этого 3700 населенных мест Нижегородской губ., Мельников и другие члены комиссии записывали, по просьбе Даля, местные говоры, и у него накопился значительный материал³. Под влиянием Даля были написаны и первые беллетристические произведения Мельникова⁴, близкие по языку к литературным опытам самого Казака Луганского. По-видимому, в это же время собирал Мельников и фольклорные материалы, незначительная часть которых публикуется в настоящем томе.

Однако интерес к народной поэзии возник у писателя еще в самом начале 1840-х годов в связи с его славянофильскими симпатиями. В письме к А. А. Краевскому (январь 1841 г.) Мельников сообщал о своем увлечении «всем русским», о намерении заказать мебель в русском стиле и по выходе в отставку ходить в русском платье; при этом письме он посылал редактору «Отечественных записок» семь отрывков из беллетристического сочинения «Владимир красно солнышко», в котором намеревался представить былинного Владимира в окружении Ильи, Чурилы и других богатырей, «утверждающего в Руси славянизм». В этом произведении он употребил «старинный размер, старинные выражения», а для усиления славянского колорита «вывел чехиню и заставил ее пропеть чешские песни», сюда же должны были войти образы русско-славянской мифологии и демонологии⁵ (произведение это опубликовано не было). Одновременно Мельников предлагал Краевскому свой перевод части «Краледворской рукописи». В письме к Погодину (того же периода) он приветствовал начало издания «Москвитянина» и сообщал о начале «исследования, какими местами проходил царь Иван

Васильевич в 1552 году», посылал для публикации три перевода с чешского русским размером и «простонародную песню, подслушанную здесь мною»⁶.

С января 1845 г. Мельников становится редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», что сразу же сказывается на притоке в газету материалов исторических, археологических (большой частью публикуемых самим писателем), а также этнографических и фольклорных. Особенно интересовали редактора исторические жанры фольклора, главным образом местные предания и песни, связанные с историей края. В № 34 газеты 1847 г. Мельников пересказал сообщенное одним из корреспондентов, Рачковым, предание о крестьянине Калейке, провожавшем Грозного с его войском через леса к Казани; здесь же упоминалось о существовании песни об этом герое; в примечании редактор просил Рачкова «о доставлении» списка этой песни, замечая, что подобное же предание о проводнике Иоаннова войска, мордвине Ардатке, сохранилось в Ардатове: «Редакция собирает теперь подобные предания и поместит их со временем в газете вместе с исследованием о том, какими местами проходил царь Иоанн Васильевич во время похода своего на Казань в 1552 г.»⁷ Третье упоминание о замысле — написать историю похода Грозного к Казани через Нижегородские леса по документальным и фольклорным материалам относится к 1851 г. «Приготовляю вам статью „Путь Иоанна Грозного в 1552 году“ по летописям, курганам, преданиям и песням», — писал он 22 января 1851 г. из Арзамаса Погодину⁸. Обещание свое Мельников выполнил, хотя в печати его работа о походе Грозного не появилась. Рукопись ее, куда включен был ряд фольклорных текстов, сохранилась в архиве ИРЛИ. В ней содержатся ценные сведения о бытовании фольклора в Нижегородской губ., свидетельствующие о знакомстве Мельникова с этим предметом: «В Нижегородской, Казанской и многих местностях Симбирской губернии живо в народе воспоминание о грозном завоевателе Казанского царства. Здесь триста лет поются былевые песни об Иоанне, до сих пор в арзамасских и ардаатовских деревнях старики любят петь: „Как года-то были старые“ <следует четверостишие песни>. До сих пор памятен лихой удалец князь Михаил Темрюкович и жалобная песня о казни его нередко слышится на широких полянах арзамасских. Нередко удается, проезжая летним вечером по холмистой дороге Симбирской <...> или где-нибудь в глуши Выксунского леса, услышать песню про взятие Казани, про Калейку мужика, который провел Грозного <...> И если покороче познакомитесь со здешним народом, то услышите и ту былевою песню о несчастной кончине царевича Иоанна Иоанновича, спасенного князем Пожарским». «Так в народной песне, — заключает писатель, — соединилась повесть о спасении русского царства Пожарским с именем Грозного — единственного из царей допетровской России, которого живо помнит здешний народ»⁹. Далее приводится начало песни: «Грозен был воин-царь наш батюшка» (29 ст.), где Иван Грозный призывает слуг идти на Казань. Закачивается песня словами:

И пошел воин-царь наш батюшка,
Первый царь Иван Васильевич
Сквозь дремучий лес с войском силою
Через всю землю мордовскую.
Себе царство взял Казанское —
Мимоходом Астраханское¹⁰.

Далее Мельников приводит в пересказах ряд местных преданий о походе на Казань Ивана Грозного, о курганах, им насыпанных, церквях, им построенных, о его проводниках по лесам, чередуемых с летописными отрывками¹¹. Здесь же приведен полностью публикуемый вариант песни о Сашайке, записанный, по-видимому, самим Мельниковым из уст сказителя или кем-либо из близких писателю лиц в Нижегородской губ., занимавшихся собиранием местного фольклора.

Таким образом эта рукопись и другие помещенные ниже материалы частично восполняют тот пробел, о котором сожалел А. В. Марков, впервые в 1908 г. заинтересовавшийся этнографическими и фольклорными записями Мельникова и высказавший пожелание, чтобы люди, имеющие доступ к бумагам писателя, «дали сведения о том, сохранились ли собранные им этнографические материалы»¹². Вместе с тем публикуемые материалы опровергают мнение Г. С. Виноградова, изучавшего фольклорные ис-

точники романа «В лесах» и распространившего верные в общем наблюдения над источником фольклорных текстов, помещенных в этом романе, на всю деятельность Мельникова как собирателя. Г. С. Виноградов сделал выводы, что сам Мельников, будучи историком и археографом, не был собирателем фольклора, будто бы мало интересовался фольклорными записями непосредственно из уст народа, ограничиваясь тем, что заимствовал их из письменных источников, от других лиц или воспроизводил по памяти случайно слышанное во время своих поездок¹³. Рукопись ИРЛИ, публикуемые записи и письма писателя не подтверждают этих выводов. В рукописи о походе Грозного перед текстом «Грозен был воин-царь наш батюшка» Мельников сообщил сведения о характере исполнения песни: «сначала поется она громко, скоро, как победный клик, но потом, когда речь пойдет о царевиче, переходит в плачевную, заунывную»¹⁴.

Перед песней «В деревне Тоторшеве» о Сашайке также есть примечание о том, как песня поется. Естественно, что такого рода комментарий мог сделать только человек, непосредственно слышавший исполнение фольклорных произведений из уст народа. Среди бумаг Мельникова, хранящихся в ИРЛИ, есть также записи нескольких раскольничьих стихов, представляющих собою переделки популярных народных песен — «Кто бы кто моему горю помог», «Ты взойди, взойди, красно солнышко», «Как повыше было Юрьевца»¹⁵ и др., сделанные, вероятно, самим писателем в Нижегородской губ. В «Очерках мордвы» приводятся мордовские предания и песни¹⁶. Вот почему вполне достоверным можно считать сообщение писателя в письме к Погодину от 22 января 1851 г.: «Есть у меня сотня, другая песен (местных) все такие б<ольшей> ч<астью>, которые не напечатаны и впервые мною слышаны. Киреевский стал, кажется, издавать их во Временнике. Посылать ли к нему те песни — ведь не сели бы так, а у меня один экземпляр»¹⁷. Публикуемые шесть записей Мельникова, обнаруженные в архиве Киреевского, свидетельствуют, что по крайней мере какая-то часть песен была послана. Можно предположить, что при дальнейшем изучении архива Киреевского будут найдены и другие материалы из коллекции Мельникова.

Как видно из материалов, приведенных в комментариях, обряд колядования, который писатель неоднократно изучал (по русским и мордовским источникам), был включен им в текст его романа «В лесах».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ П. С. У с о в. Этнограф-беллетрист (Мельников). — «Исторический вестник», 1884, № 10, стр. 30.

² А. П. М е л ь н и к о в. К биографии П. И. Мельникова. — «Сборник памяти П. И. Мельникова» («Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. IX), 1910, стр. 23.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Письмо П. И. Мельникова к А. А. Краевскому от 12 января 1841 г. — Там же, стр. 132.

⁶ Письмо П. И. Мельникова к М. П. Погодину от 1 февраля 1842 г. — Там же, стр. 152.

⁷ «Нижегородские губернские ведомости», часть неофиц., 1847, № 34, 31 мая, стр. 136.

⁸ «Сборник памяти П. И. Мельникова», стр. 157.

⁹ П. И. М е л ь н и к о в. Путь Иоанна Грозного. Рукопись (вторая редакция). — ИРЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 7, л. 115.

¹⁰ Восемь стихов из этой песни воспроизведены были Мельниковым в «Очерках мордвы» (Полн. собр. соч., т. 12. СПб. — М., 1898, стр. 25).

¹¹ «Путь Иоанна Грозного», лл. 123—124.

¹² А. В. М а р к о в. Мельников-Печерский как собиратель былии. — «Этнографическое обозрение», 1908, № 4, стр. 135.

¹³ Г. С. В и н о г р а д о в. Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах». — «Советский фольклор», № 2-3, 1936, стр. 343, 346—347.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 7, л. 115 об.

¹⁵ Там же, лл. 12—16.

¹⁶ П. И. М е л ь н и к о в. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 8—16.

¹⁷ «Сборник памяти П. И. Мельникова», стр. 158.

№ 1

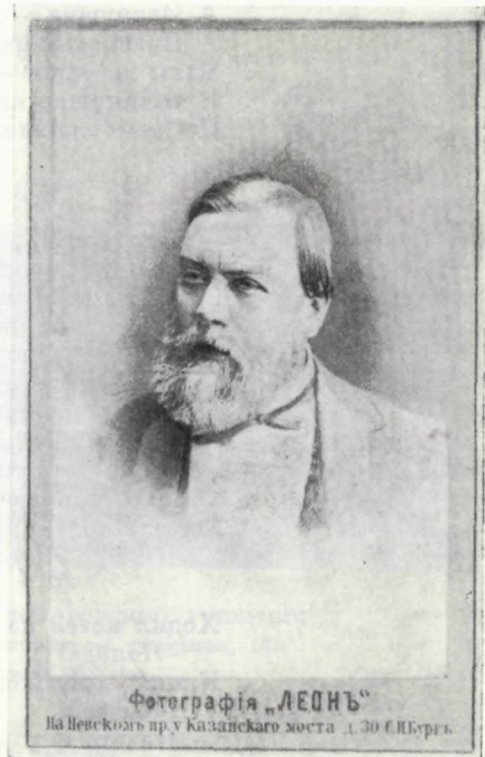
Поется или, лучше сказать, говорится нараспев песня-сказка, известная не только здесь, но и в Нижегородском уезде. В ней взятие Казани приписывается дочери Торша по имени Сашайке. Вот этот рассказ, списанный по словам одного старика.

- В деревне Тоторшеве жил мужик богатой,
 Сгребал он деньги лопатой,
 Имя ему Торш, званье Вашайка.
 Дочь у него была Сашайка,
 Сама собой маленька, лицом беленька, волосом русенька.
 Сидела Сашайка со своим подружкам в теплой бане.
 Коя хвалилась одеждой, коя хвалилась работой.
 — Ох вы, красные девушеньки, мои подруженьки,
 Нашли чем хвалиться, нашли чем величаться!
- ¹⁰ Я бы, красная девушка, Казань-город взяла,
 В три часа в свои руки подобрала.
 Какой есть там царь, какой есть государь?
 Семь лет Казань берет, а все не возмет!
 Я бы, Сашайка, своим девичьим умом в три часа взяла,
 Взяла бы не хитростью, не мудростью, а своим умом девичьим.
 Через трои сутки царь Иван за Сашайкой посылает,
 За ней шестнадцать троек присылает.
 Едут к Торшеву двору высокие повозки,
 Становятся у вашайкиных ворот зеленые колёски.
- ²⁰ Сидит Сашайка у красного у окна,
 Шьет красным шёлком узорья-калканы.
 — Ох тятяй, тятяй, батюшка Торш Вашайка!
 Поди к своей дочке Сашайке.
 Царски солдаты к нам едут,
 Повозки-колёски у наших ворот ставят.
 Говорят царски солдаты мужику Торшу Вашайке:
 — Давай к великому государю твою дочку Сашайку:
 Она собой хвалилась, над царем насмеялась.
 — Тятяй, тятяй Вашайка, давай им два ста, а мало, так три ста.
- ³⁰ — Дурак мужик Вашайка, мы триста возьмем,
 А дочку твою Сашайку с собой увезем.
 Срядилась Сашайка, сели в колёску, в зелену повозку,
 Сашайку привозят, к царю приводят.
 — Ох ты гой еси, красна девка Сашайка, богатого отца дочь,
 Собой хвалилась, надо мной смеялась — голова с тебя прочь!
 — Батюшка Иван царь, великий государь!
 Ты мою голову девичью руби,
 Теперь же хоть на плахе с плеч отвали,
 А дай мне лучше пятьдесят человек с человеком,
- ⁴⁰ Да с порохом пятьдесят бочонков с бочонком.
 Вот Сашайка под Казань бочонки накатала,
 Восковые свечки в бочонки втыкала,
 Себе взяла свечку, царю Ивану дала другую.
 — Ох ты, красная девка Сашайка!
 Коли свечки не сгорят под землей,
 Голова твоя с могучих плеч долой.
 — Батюшка царь Иван, не гневись!
 Пади на восток да богу молись.
 У царя да у Сашайки свечки сгорели,
- ⁵⁰ А Казань-города взять не успели.
 — Ох ты, девка Сашайка! голову долой,

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ

Фотография, 1860-е годы

Литературный музей, Москва

Что ты насмеялась надо мной!
 А тут свечки дошли до каждого бочонка,—
 И взяло Казань рвать, и взяло стену метать.
 И сказал царь Иван красной девке Сашайке:
 — Чем тебя мне миловать, чем тебя мне жаловать?
 — Великий царь Иван! меня помилуй,
 Ничем, государь, меня не жалууй,
 А позволь нам лице твое колоти
⁶⁰ Да на своих лбах носить ^{1*}
 К отцу к матери меня отпусти,
 В Тоторшево вели меня отвезти.

КОЛЯДА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ.

№ 2

Колёда-молёда!
 Походила колёда
 По святым вечерам.
 Блин да лепешка
 На красном окошке!
 Свина ножка качепёшка ^{2*}
 Подавайте-ка.

^{1*} Мордовки прокалывают серебряные монеты и носят их на лбу (кумбо). Повсеместно у мордвы предание, что Иоанн Грозный во время Казанского похода за службу мордвы дозволил женам их прокалывать монеты и носить на себе.

Хитрое дело «Розмысла» не забыто народом. Есть русское сказание в стихах об этом, есть такое же сказание и у мордвы. <Прим. П. И. Мельникова.>

^{2*} Слово без смысла. <Прим. П. И. Мельникова.>

А Иванушка — светел месяц ^{1*},
 А Прасковьюшка — красно солнышко ^{2*},
¹⁰ Малы детушки — часты звездушки,
 К тычинушке по тычинушке,
 По жемчужинке.

№ 3

Коль-колёда,
 Золотая борода!
 Ходим по нужде своей:
 Кто не даст пирога,
 Мы об⟨...⟩ ворота;
 Кто не даст лепешки
 Об⟨...⟩ окошки.
 Коль-колёда!
 Кто не даст пышки,
¹⁰ Тому старушечьи мышки.
 Коль-колёда!

№ 4

Ходил козел на базар,
 Колёда!
 Купил козел косу,
 Колёда!
 — На что ему косу?
 Колёда!

ДЕРЕВНЯ ЖДАНОВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
 Рисунок (сепия) из альбома неизвестного художника, 1824

Литературный музей, Москва

^{1*} Хозяин. <Прим. П. И. Мельникова.>

^{2*} Хозяйка. <Прим. П. И. Мельникова.>

ДЕРЕВНЯ БУЯНОВКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Рисунок (сепия) из альбома неизвестного художника, 1824

Литературный музей, Москва

- Мураву-траву косить.
Колёда!
- 10 — На что мураву-траву косить?
Колёда!
- Добра коня выкормить.
Колёда!
- На что добра коня кормить?
Колёда!
- Дубовый лес возить.
Колёда!
- На что дубовый лес возить?
Колёда!
- 20 — Мосты мостить.
Колёда!
- На что мосты мостить?
Колёда!
- Христу ходить.
Колёда!

№ 5

Колёда-молёда! ^{1*}
Летела же пава,
Колёда-молёда!
Роняла же перья,
Колёда-молёда!
Трофимушке братцу ^{2*}

^{1*} Хозяину. <Прим. П. И. Мельникова.>

^{2*} Имя хозяина. <Прим. П. И. Мельникова.>

Колёда-молёда!
 — На что ему перья?
 Колёда-молёда!
 10 — Шур(ъ)ити дарити;
 Колёда-молёда!
 Шурья-то спесива
 Колёда-молёда!
 Людей насмешила.

№ 6

Колёда-молёда! 1*
 Летел сокол,
 Колёда-молёда!
 Через батюшкин дворок,
 Колёда-молёда!
 Уронил сапужок,
 Колёда-молёда!
 — Катерина, подыми! 2*
 Колёда-молёда!
 10 — Недосуг поднять!
 Колёда-молёда!
 Я головушку чешу,
 Колёда-молёда!
 Я русу косу плету,
 Колёда-молёда!
 Я к обедне спешу,
 Колёда-молёда!
 Я коровошку дою,
 Колёда-молёда!
 20 Я лепешечки пеку,
 Колёда-молёда!

После каждой песни припев.

Давате кокурки!
 Пойдемте домой!

Колядуют под Новый год, а не 24 декабря.

№ 7

ПОСЛОВИЦЫ

И у сусека наплачешься и у сухой корки напляшешься.

Равносильна: и по золоту слезы текут.

Богат бог милостью, скуден да бес.

Нечем платить долгу — ступай на Волгу.

О бурлаках, а прежде о волжских разбойниках.

Сергачский барин —

ученый медведь. В Сергачском уезде учат медведей, и сергачские поводиладельцы в восточной части Европейской России то же, что в западной сморгоньские.

Барин — татарин: кошку ожарил.

Насмешка над господами, которые едят всякую всячину.

Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал.

Не возьмет теснота, не взяла бы лихота.

Говорится в том смысле, что можно с хорошим человеком и тесно жить.

1* Хозяйке. <Прим. П. И. Мельникова.>

2* Имя хозяйки. <Прим. П. И. Мельникова.>

Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет.
Быть бычку на веревочке,

т. е. быть вору пойману.

Не красней девка по воду ходючи, не красней девка коров
доючи, а красней девка с парнем в овин ходючи.

Сыщи у татарина кобылу, у раскольника — попа.

Татары крадут лошадей и искусно их прячут, раскольники тайно держат беглых попов.

№ 1. Песня, мордовская по происхождению, была до сих пор известна (по записи XIX в.) в одном вар. В 1848 г. она была записана местным священником от обрусевшей мордвы в с. Сиухи (Новорождественское) Нижегородского у. Нижегородской губ. и передана им управлявшему нижегородской епархией Иакову, собиравшему образцы фольклора. Запись была включена, без разделения на стихи, в тетрадь «О мордве с. Новорождественского или Сиухи», содержащую этнографическое описание быта мордвы села, вслед за свадебными и похоронными обрядами. Героиня песни носила имя Саманька. Вся рукопись 1848 г. была получена Мельниковым от архиепископа Иакова и находилась в библиотеке писателя, откуда перешла в руки А. А. Титова, занимавшегося историей Верхнего Поволжья (она хранится в ГПБ, ф. А. А. Титова, оп. 2340, лл. 34—35). Титов опубликовал песню о Саманьке в «Нижегородских губ. вед.», 1887, № 7, стр. 2—3, также без разделения на стихи.

Тот же текст был опубликован В. Ф. Миллером (без упоминания о публикации Титова) в «Очерках по истории русской народной словесности» (т. III, М.—Л., 1924, стр. 227—229) на основании разделенного на стихи списка этой песни, найденного Г. З. Кунцевичем в архиве И. Д. Беляева в Румянцевском музее (№ 67/1576), вместе с другой песней и примечанием: «Две сии песни поются басистым протяжным голосом от обрусевшей мордвы — терюхан <...> сообщ. из Н. Новгор. от I. М. 28 авг. 1850 г.». Миллер предполагает, что под инициалами I. М. нужно разуметь иеромонаха Макария, упомянувшего об этой песне в присланной им в Географическое общество (1853) рукописи: «Предания о последнем походе против Казани Иоанна Васильевича Грозного через Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губ.» (архив Рус. географического об-ва, к. XXIII, № 42).

Текст публикуемой песни, включенный Мельниковым в рукопись его статьи о походе Ивана Грозного на Казань, обнаруженный нами в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 95, оп. 1, ед. хр. л. 126—127), отличается рядом особенностей от вар., опубликованного Титовым и Миллером, хотя по общему содержанию близок к нему; героиня называется Сашайка (у Титова в «Нижегородских губ. вед.» — Сашенька, у Миллера — Саманька), отец ее — Вашайка. Имеются и другие разночтения.

Рукопись Мельникова (песни № 2—6) находится в ГИМ, ф. 56, ед. хр. 119 б, л. 568. Все тексты переписаны на одном листе формата 1/2.

Песни № 2—6 относятся к числу обрядовых. Это тексты колядок, исполнявшихся на святках, с 24 декабря по 6 января, в Нижегородской губ. и там же записанных, как это явствует, в частности, из заглавия рукописи «Коляда в Нижегородской губернии» (л. 1). Сопоставление их с вар., имеющимися в печатных сборниках фольклора, свидетельствует об их типичности и вообще об устойчивости текстов колядных песен.

№ 2. Имеет соответствие у Шейна (в. 1, № 1633, Черниговская губ.), последних трех ст. первой части у Шейна нет. Вторая часть записи «А Иванушка-светел месяц» является частью величальной песни-колядки (вар.: Ш е й н, в. 1, № 1030, Псковская губ., № 1036).

№ 3. Относится к числу «овсеней», песен с припевом: «Овсень таусень», исполнявшихся в средней полосе России и Поволжье (В. И. Чернов. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 115—165). У Шейна есть целый ряд близких вар., имеющих припев: «Таусень! Таусинь» (№ 1038, Саратовская губ.), или «Баусин, баусин» (№ 308, Тульская губ.), «Таусень, баусень» (№ 1044, Оренбургская губ.). Большинство имеет окончание — угрозу; в ряде случаев, как и в публикуемом тексте, пропущены непечатные слова (№ 1042, Рязанская губ., текст соединяется с величанием).

№ 4. Имеет ряд соответствий (Ш е й н, в. 1, № 1035, Московская губ.). В конце содержит другие ответы: «Кутью варить», «Колёду принять»; примечание: «кличут колёду парни вечером накануне рождества» (№ 1038, Саратовская губ.) с припевом «Таусень, таусень», в последней строчке — «Василию по ним ходить» — более поздний вар. (вместо языческой Коляды здесь назван святой Василий, день которого праздновался в первый день Нового года — 1 января). Примечание: «поется мальчиками перед каждым домом».

№ 5—6. Параллелей среди других колядок не обнаружено. Образ павы, роняющей перья, часто встречается в свадебной поэзии (Ш е й н, в. 2, № 1615, Вятская губ. — «И то не пава по селям ходила, не павины пёрушки ронила»).

Рукопись Мельникова заканчивается примечанием: «Колядуют под Новый год, а не 24 декабря», свидетельствующим о хорошем знании писателем материала о колядовании. Другие материалы подтверждают то же.

В № 32 «Нижегородских губ. вед.», 1847, часть неофиц. (стр. 118—119), их редактор, Мельников, поместил анонимную статью «Коляда». Он сообщал о распространении колядования в Малороссии (ссылаясь на «Очерки России» В. В. Пассека), об аналогичных обрядах у словаков в праздник «трех царей», у сербов и болгар перед Новым годом, ставил вопрос о происхождении названия «коляда», предполагая, что празднование произошло от западных и южных славянских племен и т. д. В статье содержится и замечание о колядных песнях, являющееся результатом их сравнительного анализа: «... некоторые из песен великороссийских облечены всеми признаками старины; в малороссийских же много утратился торжественный характер <...> празднования».

В примечании к статье Мельников указывал: «... в следующих №№ мы поговорим о коляде Нижегородской губернии и сообщим самые песни, употребляемые в разных деревнях при колядовании» (стр. 119). Обещание это не было выполнено. По-видимому, эти песни и передал Мельников Киреевскому.

В «Очерках мордвы» Мельников снова вернулся к колядкам. Произведение это наполнено этнографическим и фольклорным материалом, собирателем которого был в значительной мере сам писатель. Здесь подробно описываются верования, праздники и обряды мордвы (древние языческие и возникшие после христианизации, в их числе и заимствованные у русских). Мельников описывает зимние праздники в честь богини Анге-Патяй, «Кёляденяк», исполняемый детьми до 14 лет, обычай колядования накануне рождества. Приводятся два текста колядок, среди них первый — очень близкий к публикуемому здесь № 3:

Кёль, Кёляда,
Золотая борода,
Ходим по нужде своей,
Приходила Кёляда,
Растворяй ворота,
Давай Кёляде
Кишки да ножки,
Бабы лепешки.
Кёль, Кёляда,
Золотая борода!

(П. И. М е л ь н и к о в. Полн. собр. соч., т. 12. СПб., 1898, стр. 117—118).

Описывая обряды и приводя мордовские песни, Мельников постоянно сопоставлял их с русскими: «Вечером под Новый год у мордвы справляется Таунсяй, что значит свиной праздник. Отсюда, кажется, произошел и русский таусень или овсень, обряды которого очень сходны с обрядами мордовского таунсяя. Русский таусень едва ли не старинный мордовский обряд, перешедший к русским. По крайней мере, он справляется только в тех местностях Великой Руси, где и издревле обитала мордва» (там же, стр. 129).

Мельников выступал не только собирателем, но и исследователем, давшим первые образцы сравнительного анализа русского и мордовского фольклора.

Обычай колядования и тексты русских колядок воспроизведены писателем во второй главе романа «В лесах».